

- войны наши древние князья. А что здесь существовала деревушка еще в 1654 году под именем *Туровча*, имевшая тогда 5 дворов, на это есть письменные доказательства». Ср.: Похилевич Л. *Сказания о населенных местностях Киевской губернии*. К., 1864, 9–10.
- 26 Тереножкин А.И. Археологические обследования в зоне Киевской ГЭС в 1960 г. *Краткие сообщения Института археологии АН УССР*. Вып. 12. К., 1962, 6.
  - 27 Тереножкин А.И. Археологические обследования, 3.
  - 28 Кравченко Н.М., Бугай А.С., Магомедов Б.В. Розвідки на Київщині. *Археологічні дослідження на Україні в 1969 р.* Вип. 4. К., 1972, 347.
  - 29 До затопления водами моря, прилежавшая к селу с юга пойма Днестра, представляла собой удобные для пастбищ заливные луга. Ныне занимаемый остатками села берег выглядит как понижение между высоким берегом в районе Лютежа и аналогичной возвышенностью от Туровчи в сторону устья Ирпеня. Очевидно, эта относительная низина была удобна для выхода туров из леса на просторное днепровское пастбище; Подробнее о туре см.: Мавродин В.В. «Тур», «плотый зверь» и «пардус» древнерусских источников. *Исследования по отечественному источниковедению*. М., Л., 1964, 483–485.
  - 30 Тереножкин А.И. Археологические обследования, 6. Высказывалось предположение о принадлежности этого кургана к эпохе бронзы, поскольку в 300–400 м к юго-западу были обнаружены остатки культурного слоя эпохи поздней бронзы (Бидзиля В.И., Пачкова С.П. Зарубинецкое поселение у с. Лютеж. *Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье*. Л., 1969, 53).
  - 31 Мельникова Е.А. Легенда о Кие, 16.
  - 32 Звіздецький Б.А. Про кордони Древлянської землі. *Археологія*. 1989, № 4, 51.
  - 33 *ПСРЛ* 1: 69.
  - 34 Конкретное указание о том, что древляне пользовались днепровским путем, содержит рассказ летописи об их посольстве к Ольге (*ПСРЛ* 1: 55).
  - 35 В этом смысле интересна и стратегическая роль, которую играл Лютеж во времена Л. Похилевича (2-я пол. XIX в.). Он находился на т. н. военном тракте к Чернобылю, шедшем вдоль береговой линии от Киева, через Вышгород и Петровцы. По мнению автора, в числе прочих ведущих из Киева дорог, этот путь существовал уже в древнейшее время (Похилевич Л. *Везды Киевский и Радомысльский*, 13, 15).
  - 36 Петров В.П. Исторична топографія Києва (Першопочатки міста). *Історичні джерела та їх використання*. Вип. 1. К., 1964, 121–123.
  - 37 *ПСРЛ* 2: 614–615.

Юрий Писаренко

«Изломи копье свое»

Традиционно считается, что основным боевым оружием древнерусских дружинников, а тем более князей, являлся обоюдоострый меч. Его частые упоминания в письменных источниках, кажется, не оставляют сомнений в правильности такого представления. И, тем не менее, в военных сражениях первенство было не за мечом, но за копьем. Не случайно при их описании, летописцы особо подчеркивали роль именно этого оружия. В определенном смысле оно являлось символом военного противоборства. Обычный факт ломания копий во время боя превратился в письменных источниках, по существу, в литературный образ.

В 1149 г. молодой князь Андрей Юрьевич (впоследствии Боголюбский) под стенами Луцка «въѣха переже всихъ въ противныа . и дружина его по немъ ѣхаша . изломи Андрѣи копие свое . въ супротивнѣ своемъ»¹. Практически аналогично описано участие того же князя и в битве 1151 г. на Руте, где сошлись в противоборстве дружины великого киевского князя Изяслава Мстиславича и

Юрия Долгорукого: «Андрѣи же Дюргевичъ възма копье и ѣха на передь . и съѣхаса переже всихъ . и изломи копье свое»². Изломал копье в этой битве и Изяслав Мстиславич, который также первым вступил в бой с киевской стороны: «и тако пере^а всими полкы . въѣха Изаславъ шдинъ в полкы ратны^х . и копье свое изломи»³.

Еще одно похожее сообщение находится в статье 1184 г. Лаврентьевской летописи, рассказывающей о начале боя русских дружинников, водимых Всеволодом Большое Гнездо, под стенами Великого города булгар. Здесь первым на штурм позиций неприятеля поскакал внук Юрия Долгорукого Изяслав Глебович: «доспѣвъ с дружиною . возма копье потъче къ плоту . кдѣ баху пѣши вышли из города . твердь оучинивше плотомъ . он же въгнавъ за плоть к воротомъ городнымъ . изломи копье»⁴. Битва на Калке также началась с того, что Данило Романович выехал перед своими полками с копьем и устремился на татар: «Даниль же въѣха на передь . и Семьюнь. Шлюевичъ . и Василко Гавриловичъ . поткоша . в полкы Тотарьскыа»⁵. В битве 1240 г. со шведами Александр Невский храбро сражался впереди дружины и даже, как отметил летописец, «самому королевѣ възложи печать на лице острымъ своимъ копиемъ»⁶.

Приведенные свидетельства обретают свой истинный смысл, если мы обратимся к одному из ранних известий о князе с копьем. Речь идет о походе княгини Ольги на древлян, описанном в статье 946 г.

В лѣто . ꙗко . ѡ . ѡдѣ . ѡльга съ сномъ Стославомъ . събра вои многи и храбры . и иде на Деревъскую землю . и изыдоша Древляне противу . и снемъшемася шбѣма полкома накупъ . суну копьемъ Стославъ на Деревляны . и копье летѣвъ сквози оуши коневѣ . и оударѣ в ноги коневѣ⁷.

Из данного сообщения определенно явствует, что бросок копья князем в сторону неприятеля означал начало боя: «и ре^а Свенгелдъ . и Асмудъ . князь оуже почаль . потагнемъ дружино по князи»⁸.

В данном случае, из-за малолетства участие князя с копьем в битве было символическим, во всех других — неприменным личным рыцарским примером. Поэтому летописцы так настойчиво подчеркивали, что князь вступил в бой с копьем «переже всихъ» или «передь всими полки».

Несомненно, копия являлись наиболее массовым видом оружия. Ими были вооружены не только конные, но и пешие воины, так называемые «пешцы». Видимо, пешцы прежде всего. Есть основания утверждать, что именно на копейников возлагалась задача решения исхода боя. В статье 1249 г. *Ипатьевской* летописи, в рассказе о сражении Ростислава Михайловича и союзных ему венгров и поляков с дружинами Даниила Галицкого, говорится, что ломавшиеся копия с обеих сторон напоминали громовые раскаты.

копьем же изломившимся . тако ѡ грома трѣсновление бы^е . и ѡ шбоихъ же мнози падше . с конии оумроша . инии оуязвени быша . ѡ крѣпости оударения копѣиног^о

О треске копий говорить также в *Слове о полку Игореве*: «Летят стрелы каленые, гримлять сабли о шеломах, трещать копыя харалужныя»¹⁰. В сражении за Киев в декабре 1240 г., особенно при его штурме татарами, так же было изломано немало копий. Когда киевляне взойшли на избитые вражескими пороками стены города, то увидели «ломъ копѣины . и щитомъ скѣпаніе»¹¹.

В 1251 г., во время военного похода Даниила Галицкого на ятвягов, последние не отважились вступить в решающее сражение и ушли «во свояси». Летописец объясняет это тем, что ятвяги увидели перед собой огромное пешее войско, вооруженное щитами, шлемами и копьями: «щитѣ же ихъ ѿко зара бѣ . шоломъ же ихъ ѿко слнцю восходящоу . копиемъ же ихъ дръжащимъ в роука^х . ѿко трѣсти мнози». Ятвяги, судя по всему, не имели аналогичного вооружения. Союзники Даниила, названные летописцем пружами, будто бы, обратились к ним с вопросом: «можете ли древо . по^адрѣжати древо соуличами . и на сию рать дерьзнуоти»¹². Ответом ятвягов было их спешное отступление.

Из статьи 1172 г., рассказывающей о военных столкновениях пряславских дружин, водимых князьями Глебом и Михалком Юрьевичами, с половцами, следует, что именно копьё являлось единицей счета своих и вражеских сил. «бы^е же оу поганы^х . а . [900] копии а в Руси . ч . [90] копии», — заметил летописец. О том, что в схватке сошлись прежде всего копейники, свидетельствует то, что в князя Михалка вонзились три копыя: «Михалка княза оудариша ратнии . двѣма копы . въ стегно а третью . в руку»¹³.

При знакомстве с сюжетами, повествующими о ранениях и гибели князей, обращает на себя внимание, что орудием этих несчастий, чаще всего, являлось копьё. Князь Борис Владимирович был убит в 1015 г. двумя копыями. Изяслав Ярославич погиб в 1078 г. от удара копыя. Князь Михалко Юрьевич получил ранения в 1169 г. от ударов трех копий. Один из наиболее храбрых князей Руси Владимир Глебович в битве под стенами Переяславля в 1186 г. был ранен также тремя копыями: «шдва изоташа княза боденого . трети копыи»¹⁴. От ударов копыя дважды чуть не погиб князь Андрей Юрьевич. Примечательно, что под стенами Луцка на него было обрушено также три копыя, два из них убили коня, а третье угодило в луку седла: «И гнаста по не^м [преследователи — П.Т.], тать бо бѣ двѣма копыема конь подъ ни^м . а третью въ передни лукъ в сѣделныи»¹⁵. Изяслав Мстиславич в битве на Руте 1151 г. был сбит с коня копыем: «и бодоша и с того летѣ с коня»¹⁶.

Трудно сказать, во всех ли случаях князья получали ранения, в том числе и смертельные, от копий, однако летописцы говорят только об этом. Создается впечатление, что они, тем самым как бы намеренно героизируют своих князей. Не исключено, что по неписанным нормам рыцарской этики, именно смерть или ранение от копыя считались достойными князя-воина. Это свидетельствовало о том, что он всегда находился впереди своей дружины, первым устремлялся на противника и первым принимал на себя его удар. Тем самым он наследовал пример далекого пращура Святослава, который перед боем обращался к своей дружине со следующим призывом: «но станемъ крѣпко . азъ же предъ вами поиду»¹⁷.

В заключение — небольшое текстологическое наблюдение, связанное с упоминанием копий, как реплика к дискуссии о характере и возникновении *Галицко-*

Волынской летописи. Речь идет об уже отмечавшейся мной текстуальной зависимости галицко-волынских летописцев от своих более ранних киевских коллег¹⁸.

Статья 1111 г. *ПВЛ*: «и трѣсну аки громъ . сразившима челома».

Статья 1151 г. *Ипат.*: «и съѣхаса переже всихъ . и изломи копье свое».

Статья 1249 г. *ГВл.*: «сразиса с полкомъ . Ростиславимъ . крѣпко копьем же изломившимса . тако ѿ грома трѣсноение бы^ѣ»¹⁹.

Как видим, западнорусский летописец объединил две более ранние фразы (одну из *ПВЛ*, другую из *Киевской летописи*) в одну, что, несомненно, указывает на то, что, во-первых, он работал с тем составом летописей, который нам известен по *Ипатьевскому списку*, а, во-вторых, дописывал свой труд к уже сложившемуся летописному сборнику.

1 *ПСРЛ* 2: 390.

2 *ПСРЛ* 2: 437.

3 *ПСРЛ* 2: 438.

4 *ПСРЛ* 1: 58

5 *ПСРЛ* 2: 743.

6 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, 293.

7 *ПСРЛ* 2: 46.

8 Там же.

9 *ПСРЛ* 2: 803.

10 Лихачев Д.С. *Слово о полку Игореве*. М., 1975, 64

11 *ПСРЛ* 2: 785.

12 *ПСРЛ* 2: 813.

13 *ПСРЛ* 2: 813.

14 *ПСРЛ* 1: 399.

15 *ПСРЛ* 1: 324—325.

16 *ПСРЛ* 2: 438.

17 *ПСРЛ* 1: 70.

18 Толочко П.П. Наследие киевских книжников в Волынской летописи. *Киев и Русь. Избранные труды*. К. 20008, 269—273.

19 *ПСРЛ* 2: 803

Петр Толочко

Печерські пророки

З-поміж багатьох яскравих персонажів *Києво-Печерського патерика*, життєписи яких ілюструють незвичайну святість Печерського монастиря і його подвижників, даром пророцтва наділяються лише деякі із них. Такою здатністю володів, зокрема, Григорій чудотворець. Приймавши монастирський постриг за ігуменства св. Феодосія, ревними молитвами здобув неабияку силу противитися витівкам бісів. На підісланих ними злодіїв він, наприклад, своїм словом наслав кількадечний сон. Покаявшись, ті, «не възратишася на перваа дѣла своя, но пришедше в Печерський монастирь, вдалася на роботу братии»¹. Самому ж Григорію довелося загинути від рук дружинників князя Ростислава Всеволодовича, який завітав до монастиря, «молитвы ради и благословения, бѣ бо идый противу ратным Половцем съ братом своим Владимиром».